

**ГРИН
АЛЕКСАНД СТЕПАНОВИЧ**

«АЛЫЕ ПАРУСА»

Книг о чудесах много, а вот о долгом их ожидании – почти нет. Главная героиня книги А. Грина «Алые паруса» семь лет ждала исполнения предсказания старого ученого Эгля, который подарил ей чудесную сказку:

«Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе... Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки... ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки..., и ты уедешь [с ним] навсегда в блистательную страну...».

Случайная встреча породила прекрасную мечту. Ассоль стала ждать наперекор всей рыбацкой деревушке Каперны, где *«все в работе, как в драке»*, а любовь напоминает *«бесхитростную простоту рева»*. Жители деревни смеялись над ней, называя тронутой, помешанной; мальчишки дразнили, кидали камни; подруги сторонились и злословили.

Одиночество стало привычным для Ассоль. В ней, подросток, уживались:

«две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастеровившего игрушки, другая – живое стихотворение.

Не раз, волнуясь и робея, она уходила... на морской берег, где совершенно серьезно высматривала корабль с алыми парусами. Эти минуты были для нее счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из ее власти и обаяния».

Отец Ассоль, старый моряк Лонгрэн, поддерживал мечту дочери: *«... будут тебе алые паруса».*

Давным-давно Лонгрэн в одночасье потерял любимую жену и зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленькой дочери.

Его, нелюдимого и замкнутого, Каперна тоже сторонилась и не понимала. Жители деревушки *«не помнили долго оскорблений и не горевали так сильно и навсегда об умерших, как Лонгрэн.»*

Ему не простили непонятность поведения и независимость.

Порой Ассоль спрашивала отца: *«Скажи, почему нас не любят?».*

Он отвечал ей: *«... разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого они не могут».*

«Как это - уметь?» - спрашивала Ассоль.

«А вот так!» - Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия».

Так она росла – в бережном кольце отцовских рук, слушая его рассказы о море, рыбах, городах, мечтая о Прекрасной Неизвестности.

Все же совсем одинокой ее нельзя было назвать. Ассоль нежно относилась к соседке, которая выходила ее с колыбели.

У нее был друг – старый угольщик Филипп, который удивлялся ей:

«Она говорит, как большая, но причудливый ее разговор! Прислушаешься – как будто все то же самое, что мы с вами сказали бы, а у неё то же, да не совсем так».

Ассоль была уверена, что у каждого человека есть мечта.

«Когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает большую рыбу, какой никто не ловил, - говорит она. – А ты, Филипп, когда наваливаешь углем корзину, то думаешь, что она зацветет».

И в тот миг Филиппу действительно показалось

«будто из прутьев [пустой корзины] поползли почки, лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом и пропало».

«Все, чего она ждала так долго и горячо, делалось там – на краю света».

Молодой капитан Артур Грэй сотворил это чудо, исполнив предсказание старого Эгля.

Оказывается, и он всегда искал и ждал встречи с Ассоль, даже не зная о ней. Грэй объяснял боцману своего галиона:

«...вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите. Я делаю то, что существует как старинное представление о прекрасно-несбыточном и что, по существу, так же сбывочно и возможно, как загородная прогулка...».

Закуплено в лавке две тысячи метров материала нежного цвета, *«чистого, как алая утренняя струя, полного благородного веселья и царственности».*

Заплескались алые паруса над трехмачтовым галионом «Секрет».

Приглашены уличные музыканты, которые не *«забыли о душе музыки»* и которые *«заставляют плакать простые сердца».*

Капитан Грей не испытывал никаких сомнений и тревог.

Он *«спокойно, как парус, рвался... к восхитительной цели».*

Грэй говорил:

«... благодаря ей [Ассоль], я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. ...Когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай...это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у [человека] и новая у тебя...».

Так Артур Грэй взял на себя *«опасную и трогательную роль провидения»*, превратив мечту Ассоль в реальность.

И было раннее утро, и была *«сияющая громада алых парусов белого корабля»*, и рокотала негромкая музыка, и принц протягивал руки Ассоль.

Вся Каперна в замешательстве, смуте, волнении мчалась к берегу. Испуг, угрюмая тревога охватили ее:

«Каперна ужаснулась навсегда».

Алые паруса – реальные! - опровергали все законы бытия и здравого смысла.

Наверное, надо быть действительно чуточку сумасшедшим, чтобы ждать и верить в чудо. Но тогда надо быть и немного сумасшедшим, чтобы сделать его, совершить, подарить.

Повесть-феерия «Алые паруса» была написана в 1922 году. Александр Грин вынашивал ее, точнее вымечтал в страшное время – шла первая мировая война, потом гражданская война, начиналась эпоха НЭПа. Два года повесть не печатали: какие могли быть мечты о Прекрасной Неизвестности в начале двадцатых годов прошлого века?

Грин, писатель катастрофически не совпавший со своим временем, умел мечтать. Человек, не знавший любви с детства, с шестнадцати лет бродяга, нигде не мог пристроиться. Физически слабый, неуклюжий, угрюмый, неприспособленный к жизни, он недолго был и матросом, и золотоискателем, и возчиком, рабочим на нефтяных промыслах, солдатом и даже революционером.

Критик Вадим Ковский писал о нем:

«Судьба Грина была на редкость неудачной. Но по натуре он не был ни страдальцем, ни мучеником. Поразительны не мытарства Грина, а его колоссальная внутренняя сопротивляемость, духовное здоровье... Обездоленность жизни подлинной красотой дала толчок вымыслу, поискам красоты воображаемой».

Грин долго не верил, что у него сочинительский дар. Не сразу пришел он к своей фантазии с сильными деятельными героями. Он не был обласкан и критикой.

В конце жизни писатель был забыт, страшно голодал, тяжело и безнадежно болел. Умер и похоронен в Старом Крыму. Шел 1932 год, год пятилетних масштабных планов, гигантских строек, шумных речей...

В шестидесятые годы об Александре Грине вспомнили и выпустили шеститомное собрание сочинений. Оно включило около ста семидесяти его произведений – меньше половины.

Нужен ли Грин сегодня, в век реалистов и прагматиков? Корреспондент «Комсомольской правды» Инна Руденко ответила так:

«Современно ведь не только то, что отражает время, но и то, чего этому времени не хватает».

Но все же лучше Даниила Гранина о писателе не сказал никто:

«Грин – один из немногих, кого следует иметь в походной аптечке против ожирения сердца и усталости».